

© Е.В. АВЕРЬЯНОВА

septurion@rambler.ru

УДК 811.163.1'42+811.124'42]:2

**АВТОРИЗОВАННАЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ
В ЛАТИНСКОМ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ
РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСКУРСАХ**

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье сопоставляются средства выражения авторской интердискурсивной манипуляции в латинском религиозном дискурсе XIII в. и в церковнославянском религиозном дискурсе XI-XVI веков.

SUMMARY. This article compares the means of expressing the authorized interdiscursive manipulation of Latin religious discourse of the XIII century and in Church Slavonic Religious Discourses of the XI-XVI centuries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституирующий дискурс, религиозный дискурс, манипуляция.

KEY WORDS. Constitutive discourse, religious discourse, manipulation.

В настоящей статье доказывается следующая **гипотеза**: различие между католической и православной традициями, уже утвердившееся к XI в., определяет некоторое сходство в общих чертах и разницу между дискурсивными практиками в латинском и церковнославянском религиозных конституирующих дискурсах, в частности, на уровне авторизованной интердискурсивной манипуляции. Материалом нашего исследования послужили сборник житий святых на латинском языке Жака де Воражина «Золотая легенда», датированный XIII в. (объем текста — 1 500 000 знаков), и древнерусские и русские жития святых XI-XVI вв. (объем текстов — 1 000 000 знаков).

Рассмотрим отрывок из русского жития:

И бывши прѣ велицѣ между има, и бысть тягота велика в Руси за наша беззакония и съгрѣшения. О том рече пророкъ: «Аще обратитесь ко мнѣ и останетесь от злобѣ ваших, то вложу любовь княземъ вашим, аще ли не останетесь злаго обычая вашего, ни покается от многих беззаконий своих, всякою казнию покажю вас». Но милостию пречистыя Богородица и всѣх святыхъ прииде благоверный великий князь Михайло и посаженъ бысть на столѣ дѣда и отца своего у святыи Богородици в Володимере блаженным и преподобнымъ Максимом, митрополитомъ всея Руси.

(о князьях Михаиле и Юрии, братьях) И была распря великая между ними, и была тягота великая на Руси за наши беззакония и прегрешения. О том сказал пророк: «Если обратитесь ко мне и оставите злодеяния ваши, то вложу любовь <в сердца> князьямъ вашим, если же не оставите злой обычай ваш, не покается во многих беззакониях своих, всякими карами накажу вас». Но милостию пречистой Богородицы и всех святыхъ пришел благоверный великий князь Михаиле и посажен был на столе деда и отца своего у святой Богородицы во Владимире блаженным и преподобнымъ Максимом, митрополитомъ всея Руси (Житие Михаила Ярославича Тверского).

Как видно, отрывок начинается с повествования, но далее автор жития комментирует изложенную ситуацию, используя метадискурс, маркером которого является высказывание «*О том рече пророкъ...*». Метадискурс вводит интердискурс в виде цитаты, ограниченной кавычками. Согласно теории М. Пеше, интердискурс доминирует над дискурсом [1; 147]. По мнению Д. Мэнгено, идентичность дискурса представляет собой единое целое с его опорой на интердискурс: «Высказывание не разворачивается на уровне замкнутой интенции, оно насквозь пронизано многочисленными напоминаниями о словах уже сказанных или возможных ...» [2; 26]. В данном случае автор жития аргументирует свою позицию, основываясь на авторитете цитируемого пророка, не анализируя его в плане соответствия действительности. Такой вид аргументации, зависящей от источника, принято рассматривать как «эпистемический авторитет», основанный на семиотической модальности «заставить поверить» («*faire croire*») [3; 85]. «Авторитетный аргумент» заменяет периферическим доказательством прямое доказательство, признаваемое недоступным или невозможным [ibid.].

В приведенном отрывке подчеркиванием выделена манипуляция*, в частности, два ее типа — искушение и запугивание. Адресантом манипуляции является цитируемый пророк, а адресатом — не известная нам его аудитория, а также читатель жития. В первой части манипуляции, искушении, адресант предлагает адресату обратиться к нему и оставить злодеяния, это требование манипулятора. В обмен манипулятор дает обязательство вложить любовь в сердца князей. Во второй части манипуляции, запугивании, адресант за отказ оставить «злой обычай» и за нежелание покаяться предлагает негативную ценность — «всякие кары». Налицо комбинированная манипуляция, предлагающая альтернативу, т.е. выбор, в отличие от дилеммы, когда выбора фактически нет.

Рассмотрим другой отрывок:

Въпросихомъ же Тита: «Что сътворися?» Титъ же сказаше намъ, глаголя: «Видѣхъ, — рече, — аггелы отступльша от менѣ и плачуща о души моей, бѣси же радующеся о гневѣ моемъ. И тогда начахъ молити брата, да простит мя. Егда же его приведосте ко мнѣ, и видѣхъ аггела немилостива, дрѣжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падеся мертвъ, мнѣ же подасть руку и встави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся Бога, рѣкшаго: «Оставьте — оставятся вам» [166]. Рече бо Господь: «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повинень есть суду» [167]. Ефр м [168] же: «Аще кому случится въ враждѣ умерети, и неизмолимъ суд обряцуть таковии».

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких» (Киево-Печерский патерик).

Здесь мы видим метадискурсивные высказывания «*Рече бо Господь...*» и «*Ефрем же...*», вводящие интердискурс. Здесь два примера интердискурсивной манипуляции,

* Мы используем термин «манипуляция» в нейтральном значении в отличие от психологического и лингвистического ее негативного определения. Вслед за А.-Ж. Греймасом мы отличаем «операцию» как воздействие на вещи от манипуляции как воздействия на людей [4; 221].

в частности, запугивания. В первом случае адресантом выступает Бог, который угрожает «гневавшемуся на брата» негативной ценностью — судом Божиим. Во втором случае за такое действие, как вражда, предлагается негативная ценность «неизмолимь суд». Следует отметить, что здесь употреблен также «авторитетный аргумент», т.е. цитирование пратекста, или «архитекста» (термин Д. Мэнгено), представляющего собой абсолютный авторитет. Подобный дискурс, опирающийся на авторитет, принято относить к «конституирующему дискурсу», восходящему к фундаментальным ценностям общества, *archéion* [5; 112]. С одной стороны, такой дискурс автоконститутивен, т.е. он должен создавать во время своей реализации свою легитимность благодаря интердискурсу; с другой стороны, он гетероконститутивен, что позволяет ему выступать гарантом для других дискурсов [ibid.].

В «Золотой легенде» мы не обнаружили авторизованных интердискурсивных манипуляций с цитированием архитекста; более того, в житиях этого сборника отсутствуют вообще цитаты из Библии. Нами были отмечены только такие интердискурсивные вкрапления, как имена собственные (*Iesus Christus*, etc.), отсылающие к архитексту (Евангелию).

По мнению Д. Мэнгено и Ф. Коссюта, к конституирующим дискурсам относятся в основном религиозный, научный, философский, художественный и юридический [ibid.: 113]. Тексты конституирующих жанров гетерогенны: между действительно автоконституирующими текстами и теми, которые опираются на них, комментируя, резюмируя, опровергая их, устанавливается иерархия [ibid.: 117]. На этом основании, авторы различают первичные высказывания от вторичных, вводя оппозицию режимов высказывания. Существует также оппозиция между основополагающими совокупностями высказываний и неосновополагающими [ibid.: 118].

Д. Мэнгено и Ф. Коссюта предполагают, что *конституцию* можно рассматривать в трех измерениях:

- как процесс, благодаря которому дискурс устанавливается, выстраивая свое собственное возникновение в интердискурсе;
- способы организации, дискурсивной когезии;
- в юридическом и политическом смысле как установление дискурса, служащего нормой и гарантом поведения коллектива. Конституирующие дискурсы очерчивают *loci communes* коллектива [ibid.: 113].

Если применить данные критерии к нашему материалу, то жития святых, как латинские, так и древнерусские и русские, следует рассматривать как конституирующие дискурсы, содержащие первичные и неосновополагающие высказывания ввиду того, что:

1) эти жития содержат уникальную информацию о святых, которая не воспроизводится ими из других источников, это первоисточники, то есть первичные тексты в терминологии Мэнгено и Коссюта;

2) эти жития не являются основополагающими, они не создают нового взгляда на мир, нового мировосприятия.

Мы рассматриваем авторизованную интердискурсивную манипуляцию, проанализированную выше, как маркер конституирующего дискурса на том основании, что в манипуляции фигурируют ценности и антиценности, общепринятые в данном коллективе, и в случае воздействия на адресата манипуляции

автор жития использует цитаты по поводу уже имевших место типичных ситуаций побуждения к стандартному поведению или запрещения девиантного поведения, которые можно считать *loci communes* в религиозном дискурсе.

Как отмечает Н. Фэркло, дискурсивные практики, в которых дискурсы смешаны общепринятыми способами – это показатели стабильности, которые одновременно поддерживают установленный строй дискурса и социальный порядок [6; 129]. Следовательно, интердискурсивность, и в частности интердискурсивная манипуляция, может выступать в качестве маркера традиционализма религиозного дискурса.

Дж. Браун и Дж. Юл различают две функции языка: трансакционную и интеракционную [7; 1]. Первая функция сосредоточена на передаче информации, а вторая — на установлении и поддержании общественных отношений. Обилие интердискурсивных манипуляций в церковнославянском религиозном дискурсе позволяет нам сделать вывод о преобладании в нем интеракционной функции, тогда как в латинском религиозном дискурсе доминирует трансакционная функция.

Таким образом, церковнославянский религиозный дискурс является в большей степени конституирующим дискурсом, нежели латинский религиозный дискурс. Этот вывод свидетельствует о большем традиционализме церковнославянского религиозного дискурса. Кроме того, в первом дискурсе на первый план выступает интеракционная языковая функция, а во втором – трансакционная языковая функция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pêcheux, M. *Les Vérités de la Palice. Linguistique, sémantique, philosophie*. Paris: Maspéro, 1975.
2. Maingueneau, D. *L'analyse du discours*. Paris: Hachette, 1997.
3. Charaudeau, P., Maingueneau, D. *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Seuil, 2002. 666 p.
4. Greimas, A.-J., Courtés, J. *Sémiotique: dictionnaire de la théorie du langage*. Paris: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.
5. Maingueneau, D., Cossuta, F. *L'analyse des discours constituants // Langages*. 1995. 117. P. 112-125.
6. Йоргенсен М.В., Филипс Л. Дж. *Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр.* Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
7. Brown, G., Yule, G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

ИСТОЧНИКИ

1. Житие Михаила Ярославича Тверского. Подготовка текста В.И. Охотниковой и С.А. Семячко, перевод и комментарии С.А. Семячко // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: офиц. сайт [СПб., 2009]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
2. Киево-Печерский патерик. Подготовка текста Л.А. Ольшевской, перевод Л.А. Дмитриева, комм. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: офиц. сайт [СПб., 2009]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.